

ОТ АВТОРА МИРОВЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЧЕСТЬ» И «СОРОК ПРАВИЛ ЛЮБВИ»

ЭЛИФ ШАФАК

• 10 МИНУТ

Потрясающий
роман, экзотичный
и захватывающий.

The Times

38 секунд в этом
странном
мире •

Содержание

[Конец](#)

[Часть первая. РАЗУМ](#)

[Часть вторая. ТЕЛО](#)

[Часть третья. ДУША](#)

[Эпилог](#)

[Примечание для читателя](#)

[Словарь](#)

[Благодарности](#)

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЉЕР

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

10 минут 38 секунд
в этом странном мире

Элиф
Шафак

10 МИНУТ
38 СЕКУНД
В ЭТОМ
СТРАННОМ
МИРЕ

Роман

Санкт-Петербург

Elif Shafak
10 MINUTES 38 SECONDS IN THIS STRANGE WORLD
Copyright © Elif Shafak, 2019
This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Лютовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Шафак Э.

10 минут 38 секунд в этом странном мире : роман / Элиф Шафак ; пер. с
англ. О. Лютовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — (Азбука-
бестселлер).

ISBN 978-5-389-18949-2

16+

Текила Лейла была убита. Ее сердце уже перестало биться, но в течение 10 минут 38 секунд ее мозг все еще активен. И за эти краткие минуты Лейла вспоминает свою жизнь и друзей, таких же изгоев, как она.

Ее детство прошло в провинции в глубоко религиозной семье с деспотичным отцом, слепо следующим законам Корана. Не выдержав диктата отца, Лейла убегает из дому в Стамбул, где оказывается втянутой в секс-индустрию. Несмотря на жестокость, царящую в мире торговли женским телом, Лейле придется через многое пройти и многое вынести, но ей удастся сохранить главное — свою душевную чистоту...

Впервые на русском языке!

© О.И. Лютова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

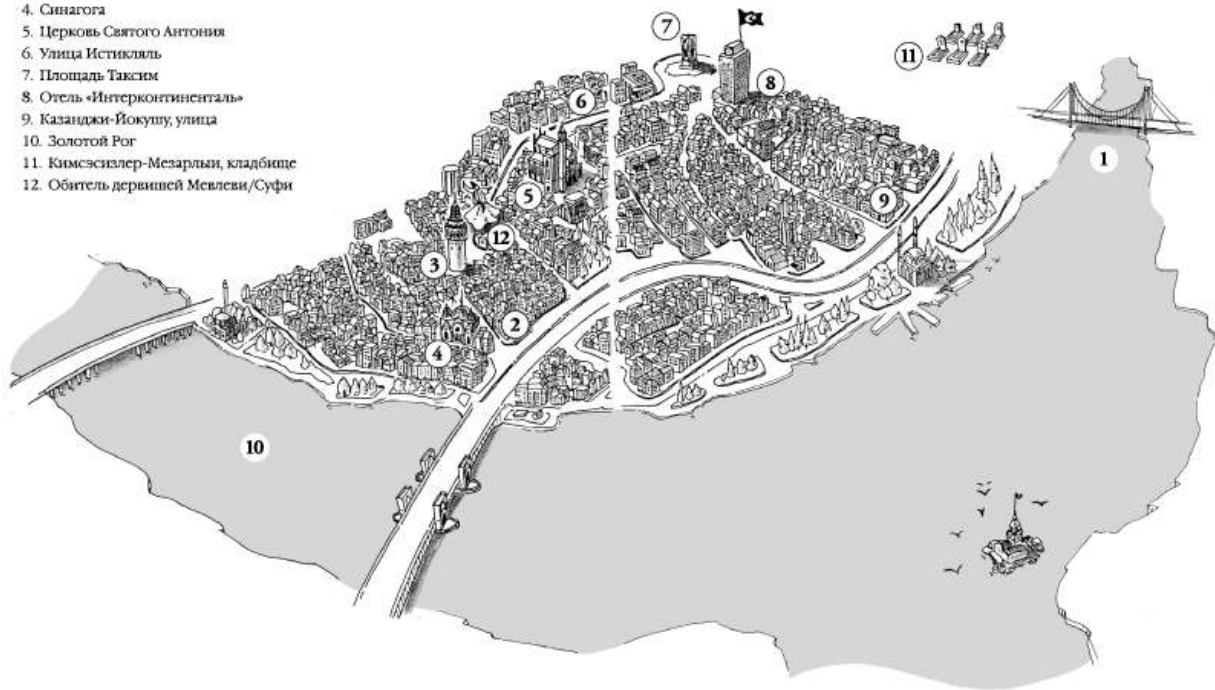
*Посвящается женщинам Стамбула
и самому Стамбулу,
который всегда был и остается
городом женского рода*

И снова он немного опередил меня — теперь в расставании с этим странным миром. Но это не важно. Для нас — тех, кто верит в физику, — разделение на прошлое, настоящее и будущее имеет значение лишь как общепризнанная и неискоренимая иллюзия.

*Альберт Эйнштейн
о смерти своего ближайшего друга
Мишеля Бессо*

1. Босфорский мост
2. Улица борделей
3. Галатская башня
4. Синагога
5. Церковь Святого Антония
6. Улица Истикляль
7. Площадь Таксим
8. Отель «Интерконтиненталь»
9. Казанджи-Йокушу, улица
10. Золотой Рог
11. Кимсезизлер-Мезарли, кладбище
12. Обитель дервишей Мевлеви/Суфи

Конец

Ее звали Лейла.

Текила Лейла — именно под этим именем ее знали друзья и клиенты. Текилой Лейлой ее называли дома и на работе — в здании цвета розового дерева, которое притаилось в мощеном тупичке у порта, между церковью и синагогой, среди ламповых лавочек и кебабных, в тупичке, приютившем старейшие лицензированные бордели Стамбула.

Однако если бы она услышала эти слова от вас, то запросто могла бы оскорбиться и швырнуть в вас туфлей — обычно она носила туфли на высоком каблуке.

— Меня зовут, дорогуша, а не звали... Меня зовут Текила Лейла.

Ни за что и никогда она не согласилась бы, чтобы о ней говорили в прошедшем времени. От одной только мысли об этом Лейла чувствовала себя маленькой и поверженной, но ощущать себя таковой ей хотелось меньше всего на свете. Нет, она твердо отстаивала бы настоящее время, пусть даже теперь ее пронзило щемящее чувство, что сердце только что перестало биться, а дыхание резко прекратилось, и, как ни глянь, вряд ли можно отрицать факт собственной смерти.

Никто из ее друзей пока не знает об этом. В такой ранний час они наверняка крепко спят, и каждый из них пытается найти собственный путь из лабиринта снов. Лейла тоже очень хотела бы оказаться дома, под теплым одеялом и с котом, который примостился у ее ног, мурлыча в сонной неге. Она назвала его Мистером Чаплином в честь Чарли Чаплина, ибо он, как и герои первых кинофильмов, жил в своем собственном безмолвном мире.

Текила Лейла отдала бы все на свете, чтобы оказаться сейчас в своей квартире. Но вместо этого она была тут, где-то на окраине Стамбула, напротив темного и влажного футбольного поля, внутри металлического мусорного контейнера с ржавыми ручками и облупившейся краской. Это был передвижной контейнер высотой примерно четыре фута и шириной в половину меньше. Рост самой Лейлы примерно пять футов семь дюймов, если не считать восьмидюймовые лиловые шпильки без задника, которые по-прежнему были у нее на ногах.

У Лейлы накопилась масса вопросов, в голове она продолжала прокручивать последние мгновения жизни, спрашивая себя, когда же все пошло прахом, — бесполезное упражнение, надо сказать, особенно имея в виду, что время не клубок пряжи и его нельзя размотать. Ее кожа приобретала уже серовато-белый оттенок, пусть даже в клетках все еще кипела жизнь. При всем желании Лейла не могла не заметить, что в ее органах и конечностях происходит множество процессов. Люди всегда считают, что труп полностью лишен сознания и никак не живее упавшего дерева или полого пня. Но если бы у Лейлы была малейшая возможность это сделать, она бы объявила, что, напротив, труп полон жизни.

Лейла никак не могла поверить, что с ее земным существованием покончено навсегда. Лишь за день до этого она прошла по району Пёра — ее тень скользила по улицам, названным в честь военных вождей и национальных героев, по улицам, носящим мужские имена. На этой неделе ее смех эхом отлетал от стен таверн с низкими потолками в Галате и Куртулуше и маленьких душных притонов в Топхане. Ни тех ни других вы не найдете в путеводителях и на туристических картах. Стамбул, известный Лейле, резко

отличался от Стамбула, который стремилось показать иностранцам министерство туризма.

Прошлой ночью она оставила отпечатки пальцев на стакане для виски и следы своих духов — «Палома Пикассо», подарок от друзей на день рождения, — на шелковом шейном платке, который бросила на кровать незнакомого мужчины в люксе на верхнем этаже роскошного отеля. Высоко над головой в небе еще посверкивало серебро вчерашней луны, ясной и недостижимой, как отблеск какого-то счастливого воспоминания. Она все еще часть этого мира, и в ней до сих пор теплится жизнь, так как же ее может не быть? Как она могла уйти, словно сон, померкший с первым лучом дневного света? Ведь всего несколько часов назад она пела, курила, бранилась и думала... да и сейчас она все еще мыслит. Поразительно, что мозг по-прежнему работает в полную силу, хотя никто не знает, как долго это продлится. Как бы ей хотелось вернуться и объявить всем, что мертвые не умирают сразу, что на самом деле они способны размышлять о многом, включая собственную гибель! Люди испугались бы, узнав об этом, решила Лейла. Сама она точно испугалась бы, если бы была жива. Но ей чудилось, что сообщить об этом другим очень важно.

Лейле казалось, что человеческие существа слишком уж нетерпеливо относятся к важным этапам своей жизни. К примеру, они полагают, что автоматически становятся мужем и женой в тот момент, когда произносят: «Да!» Но на самом деле, чтобы стать супружеской парой, понадобится не один год. Похожим образом обстоят дела с материнским или отцовским инстинктом — общество ожидает, что он сработает, как только ребенок появится на свет. На самом же деле понять, что значит стать родителем или, раз уж на то пошло, бабушкой и дедушкой, удастся далеко не сразу. То же можно сказать о пенсии и пожилом возрасте.

Получится ли немедленно переключить передачу, оказавшись вне офиса, где ты провел полжизни и профукал свои мечты? Вряд ли. Лейла знала одного учителя-пенсионера, который все равно каждое утро вставал в семь, принимал душ, садился завтракать и только после этого вспоминал, что ему уже не надо идти на работу. Он все никак не мог привыкнуть.

Возможно, и со смертью происходит так же. Люди считают, что ты стал трупом в тот самый момент, когда последний раз вдохнул и выдохнул. Но все далеко не так однозначно. Между угольно-черным и ослепительно-белым существует примерно столько же оттенков, сколько стадий у понятия «вечный покой». Если бы между царством жизни и царством загробной жизни существовала граница, решила Лейла, она была бы зыбкой, словно из песчаника.

Лейла ждала, когда взойдет солнце. Тогда наверняка кто-нибудь найдет ее и вытащит из этого грязного контейнера. Вряд ли властям понадобится много времени на установление личности. Им нужно лишь обнаружить ее досье. За все эти годы ее обыскивали, фотографировали, снимали отпечатки пальцев и держали под стражей столько раз, что она уже сбилась со счета. В полицейских участках, расположенных на глухих улочках, даже запах царит особый — пепельницы, переполненные вчерашними окурками, кофейная гуща на дне чашек с обитыми краями, несвежее дыхание, влажные коврики и резкий запах мочи, который невозможно замаскировать никаким количеством моющих средств. Полицейские и преступники помещались в одних и тех же тесных комнатках. Лейлу всегда увлекала мысль о том, что мертвые клетки кожи полицейских и преступников падали на один и тот же пол и их пожирала одни и те же пылевые клещи — без всяких пристрастий и предпочтений. В известной степени противоположности

не видны человеческому глазу и смешиваются друг с другом самыми невероятными способами.

Как только власти опознают ее, они оповестят семью — так думала Лейла. Ее родители живут в историческом городе Ване, за тысячу миль отсюда. Но она и не ждала, что они приедут и заберут ее мертвое тело, раз уж много лет назад отказались от нее живой.

Ты осрамила нас. Все судачат об этом за нашими спинами.

Так что полиции придется обратиться к ее друзьям. Ко всем пятерым: Саботажу Синану, Ностальгии Налан, Джамиле, Зейнаб-122 и Голливуд Хюмейре.

Текила Лейла не сомневалась, что ее друзья придут, как только смогут. Она живо представляла себе, как они помчатся к ней — сразу же, но с неохотой. Глаза их округлятся от ужаса и нарождающейся печали, они не сразу осознают, насколько сильно горе, еще не пришло время. Лейла чувствовала себя скверно из-за того, что им придется пройти через весь этот ужас. Но приятно было сознавать, что они устроят ей великолепные похороны. Камфара и ладан. Музыка и цветы — особенно розы. Огненно-красные, ярко-желтые, темно-бордовые... Классические, всегда актуальные и непревзойденные. Тюльпаны слишком величественны, нарциссы чересчур нежны, а от лилий хочется чихать, зато розы идеальны — сочетание пылкой притягательности и остроты шипов.

Потихоньку занимался рассвет. Над горизонтом протянулись разноцветные разводы — персиковое беллини, мартини с апельсином, клубничная маргарита, ледяной негрони — полосы с востока на запад. Спустя всего несколько секунд призывы на молитву из окрестных мечетей огласили округу, и все они звучали вразнобой. Вдалеке Босфор, проснувшись от своего черепашьего сна, мощно зевнул. Рыболовецкое судно, возвращавшееся в порт, дымно кашлянуло двигателем.

Тяжелая волна лениво покати́лась к городскому берегу. Когда-то этот район был украшен оливковыми рощами и инжирными садами, однако все это сровняли с землей, чтобы освободить место очередным зданиям и парковкам. Где-то в полутьме залаяла собака — скорее из чувства долга, чем от волнения. Поблизости смело и громко защебетала птица, в ответ ей выдала трель другая, но уже не так радостно. Рассветный хор. Теперь до Лейлы донесся грохот автофургона по рябой дороге — он пересчитывал одну яму за другой. Скоро гул утреннего движения станет оглушительным. Жизнь в полную силу.

Когда она еще была жива, Текила Лейла всегда немного удивлялась и даже расстраивалась, если люди с большим удовольствием и одержимостью рассуждали о конце света. Казалось бы, как человек в здравом уме может настолько верить в эти сумасшедшие сценарии: астероиды, метеориты и кометы, повергающие планету в хаос? По мнению Лейлы, апокалипсис далеко не самое страшное. Вероятность мгновенного и полного уничтожения цивилизации пугает вовсе не так сильно, как простое осознание, что кончина отдельного человека не имеет никакого влияния на окружающий мир и жизнь будет идти своим чередом — с нами или без нас. А вот это, как всегда казалось Лейле, действительно жутко.

Бриз изменил направление и подул в сторону футбольного поля. Тогда-то она и увидела их. Четверо мальчишек-подростков. Любители копаться в мусоре — ранние пташки, стремящиеся перерыть все барахло. Двое везли тележку, наполненную пластиковыми бутылками и смятыми банками. Еще один, ссутуленный и на полусогнутых ногах, тащился чуть позади — он волок запачканный мешок, в котором лежало нечто

очень тяжелое. Четвертый, явно их предводитель, вышагивал впереди с нарочито важным видом, выпятив тощую грудь, — он походил на воинственного петуха. Они направлялись прямо к ней, подшучивая друг над другом.

Идите, идите.

Остановившись возле мусорного контейнера на другой стороне улицы, они принялись копаться в нем. Бутылки от шампуня, пачки от сока, ванночки от йогуртов, коробки от яиц... Каждое сокровище вытаскивалось наружу и укладывалось в тележку. Их движения были проворными и умелыми. Один нашел старую кожаную шляпу. Рассмеявшись, он надел ее на голову и, засунув руки в карманы, прошелся преувеличенно наглой и важной походкой. Видимо, подражая какому-нибудь гангстеру из кинофильма. И вдруг предводитель выхватил у него шляпу и нацепил ее себе на голову. Никто не возразил. Забрав из мусора все, что можно было, они приготвились уходить. К ужасу Лейлы, они, казалось, повернули назад, направились в противоположную сторону.

Эй, я тут!

Словно услышав мольбу Лейлы, предводитель медленно задрал подбородок вверх и, прищурившись, поглядел на рассветное солнце. Он посмотрел на меняющийся цвет горизонт — его взгляд блуждал туда-сюда, пока наконец не заметил ее. Его брови дернулись вверх, а губы слегка задрожали.

Прошу, не убегай.

Он не убежал. А вместо этого сказал остальным что-то неразличимое, и теперь те тоже глазели на нее с такими же потрясенными лицами. Она вдруг поняла, насколько они молоды. Совсем еще дети, всего-навсего сопляки — мальчишки, воображающие себя мужчинами.

Предводитель сделал малюсенький шаг вперед. Затем еще один. Он шел к ней, словно мышонок к упавшему яблоку, — пугливо и застенчиво, но в то же время решительно и быстро. Его лицо потемнело, когда он приблизился и понял, в каком положении она оказалась.

Не бойся.

Он уже был рядом с ней, так близко, что Лейла могла различить белки его глаз — покрасневшие, с желтоватыми пятнами. Было ясно, что он нюхает клей — этот мальчик, которому нет еще и пятнадцати. Стамбул наверняка сделает вид, что принял и поселил его у себя, а потом, когда парень едва ли будет ожидать подвоха, отбросит в сторону, словно старую тряпичную куклу.

Позвони в полицию, сынок. Позвони в полицию, чтобы они сообщили моим друзьям.

Мальчишка посмотрел налево и направо, чтобы убедиться: никто не смотрит и камер наблюдения поблизости нет. Качнувшись вперед, он потянулся к ожерелью Лейлы — золотому медальону с крошечным изумрудом посередине. Осторожно, словно опасаясь, что она взорвется в его ладони, парень дотронулся до подвески и ощутил приятную прохладу металла. Он открыл медальон. Внутри обнаружилась фотография. Достав ее, он некоторое время разглядывал изображение. Он узнал на ней эту женщину — вернее, более юное ее изображение — и увидел зеленоглазого мужчину с нежной улыбкой и длинными волосами, уложенными по старой моде. Они казались такими счастливыми, влюбленными.

На задней стороне фотографии было подписано: «Д/Али и я... Весна 1976 г.»

Предводитель быстро сдернул подвеску и сунул добычу в карман. Если все прочие, молча стоявшие позади него, были в курсе его поступка, видимо, он решил не

обращать на это никакого внимания. Пусть они были юнцами, однако у них хватало опыта жизни в этом городе, чтобы понимать, когда сто́ит быть умными, а когда имеет смысл прикинуться дурачками.

Только один из них шагнул вперед и осмелился спросить, понизив при этом голос до шепота:

— Она... она жива?

— Не смей меня, — ответил предводитель. — Она не живее вареной утки.

— Бедная женщина. Кто она?

Наклонив голову набок, предводитель оглядел Лейлу так, словно узрел ее впервые. Окинув ее взглядом с ног до головы, он расплылся в улыбке, которая залила его лицо, словно опрокинутые чернила — страницу.

— Ты чё, не видишь, придурок? Это шлюха.

— Ты думаешь? — серьезным тоном спросил другой мальчишка, чересчур робкий и невинный, чтобы повторить это слово.

— Да я это знаю, идиот! — Тут предводитель встал вполоборота ко всей группе и сказал громко и многозначительно: — Эта новость будет во всех газетах. И на всех телеканалах! Мы прославимся! Когда сюда придут журналисты, говорить с ними буду я, понятно?

Вдалеке какая-то машина, газанув, помчалась на полном ходу к шоссе и слегка забуксовала на повороте. На ветру выхлопные газы соединились с колким привкусом соли. Даже в столь ранний час, когда солнечный свет только начал золотить минареты, крыши и верхушки иудиных деревьев, люди в этом городе уже куда-то спешили и куда-то опаздывали.

Часть
первая

РАЗУМ

Одна минута

В первую минуту после смерти сознание Текилы Лейлы пошло на убыль медленно и верно, словно отлив, уходящий от берега. Клетки мозга, в которые больше не поступала кровь, были теперь совершенно лишены кислорода. Однако работу они не прекратили. Пока не прекратили. Последний запас энергии привел в действие бесчисленные нейроны, соединив их, словно в первый раз. Пусть сердце перестало биться, мозг все еще сопротивлялся, готовясь сражаться до конца. Он впал в состояние повышенного внимания: наблюдая за кончиной организма, он не торопился смириться с собственной гибелью. Память рванула вперед, пылко и настойчиво, собирая кусочки жизни, клонившейся к завершению. Лейла припомнила то, что, как ей казалось, и запомнить-то было невозможно, вещи, которые, как она считала, утрачены навсегда. Время приняло жидкую форму и превратилось в быстрый поток воспоминаний, перетекающих из одного в другое, — прошлое и настоящее стали неразделимы.

Первое воспоминание, затронувшее ее разум, было о соли — об ощущении, которое вызывало ее соприкосновение с кожей и ее вкус на языке.

Она увидела себя младенцем — голенькая, лоснящаяся и красная. Всего несколько секунд назад она покинула утробу матери и, охваченная совершенно новым для себя страхом, скользнула во влажный склизкий канал. Теперь она оказалась в комнате, полной звуков, цветовых оттенков и совершенно неизвестных вещей. Солнечный свет, проникавший сквозь витражные стекла окон, неравномерно окрашивал стеганое одеяло на кровати и отражался в воде, налитой в фарфоровую чашу, и все это — несмотря на прохладный январский

день. В эту самую воду пожилая женщина в одежде, оттенками напоминавшей осеннюю листву, — повитуха — опустила полотенце, а затем выжала его, и с ее запястья закапала кровь.

— *Машалла, машалла!* Как прекрасно! Это девочка.

Повитуха вынула кусок кремня, припрятанный у нее в лифчике, и перерезала им пуповину. Она никогда не использовала для этих целей нож или ножницы, считая их холодную рациональность совершенно не подходящей для ее хлопотного дела — приветствия младенца в этом мире. Старушку очень уважали в округе и считали за все ее чудачества и затворничество личностью загадочной, имеющей две стороны — земную и неземную; словно подброшенная в воздух монета, она могла в любой момент показать одно из двух своих лиц.

— Девочка, — вторила ей молодая мать, лежавшая на ковanej кровати с четырьмя столбиками; ее каштаново-русые волосы сбились в ком от пота, а во рту было сухо, словно туда насыпали песка.

Женщина очень волновалась, что так и будет. В начале месяца она вышла на прогулку в сад и стала искать паутину на верхних ветвях деревьев, а когда нашла, осторожно просунула в нее палец. Спустя несколько дней она проверила это место. Если бы паук залатал прореху, значит ребенок — мальчик. Однако паутина так и осталась дырявой.

Молодую женщину звали Бинназ — «тысяча обольщений». Ей было девятнадцать лет, хотя в этом году она чувствовала себя куда старше. У нее были полные губы, изящный вздернутый нос, который в этой части страны считался большой редкостью, вытянутое лицо с заостренным подбородком и большие темные глаза, испещренные синими крапинками, словно яйца скворца. Она всегда была стройной, хрупкого телосложения, но сейчас, в рыжевато-коричневой льняной ночной рубашке, выглядела совсем уж

тоненькой. У нее на щеках было несколько едва заметных шрамов от оспы. Однажды ее мама сказала: это признак того, что во сне девочку ласкал лунный свет. Она скучала по своим маме, отцу и девяти братьям и сестрам, которые жили в деревеньке в нескольких часах езды отсюда. Семья ее была очень бедна — об этом ей частенько напоминали с того самого момента, как она молодой невестой вошла в этот дом.

Будь благодарна. Когда ты приехала сюда, у тебя ничего не было.

И до сих пор ничего нет, то и дело думала Бинназ: ее имущество было так же эфемерно и беспочвенно, как семена одуванчика. Поднимись сильный ветер с моря или разразись проливной дождь — и нет семян, ничего нет. Словно камень у нее на душе лежало подозрение, что из этого дома ее могут выкинуть в любой момент. И куда ей идти, если это произойдет? Отец никогда не примет ее назад — с таким-то количеством ртов у него в доме! Ей придется снова выходить замуж, но нет никакой гарантии, что следующий брак станет счастливее, а новый муж будет милее ее сердцу. Да и кто вообще захочет взять в жены разведенную, использованную женщину? Отягощенная такими подозрениями, Бинназ всюду чувствовала себя незваной гостьей — в этом доме, в своей спальне и даже в собственном сознании. Так было до сего момента. С рождением этого младенца все переменится, убеждала она себя. Она больше не будет чувствовать себя не в своей тарелке, не будет такой неуверенной.

Бинназ ужасно не хотелось, но она все же посмотрела на дверь комнаты. Там, положив одну руку на бедро, а другую на дверную ручку, словно размышляя, имеет ли смысл уйти или все-таки остаться, стояла крепкая на вид женщина с квадратным подбородком. Ей было всего сорок с небольшим, однако пигментные пятна на руках и морщинки вокруг тонкого, словно лезвие, рта делали

женщину куда старше. Лоб ее пересекали глубокие морщины, неровные и преувеличенные, словно борозды на поле, а складки на лице возникли в основном оттого, что женщина часто хмурилась и курила. Целыми днями она дымила табаком, нелегально завезенным из Ирана, и попивала чай — контрабанду из Сирии. Кирпично-рыжие волосы женщины — спасибо щедрым порциям египетской хны, которые она на них наносила, — были разделены по пробору и заплетены в безупречную косу, которая доставала почти до талии. А светло-карие глаза были старательно подведены самым темным карандашом для век. Она — первая жена по имени Сюзан мужа Бинназ.

Мгновение женщины смотрели друг другу в глаза. Воздух между ними казался густым и бурлящим, словно поднимающееся тесто. Все это время они по двенадцать часов проводили в одной и той же комнате, однако сейчас их будто разбросало по разным мирам. Обе знали, что с рождением этого ребенка их места в семье навсегда изменятся. Несмотря на юность и недавний брак, вторая жена вот-вот займет главенствующую позицию.

Сюзан отвела глаза, но ненадолго. Когда она снова посмотрела на Бинназ, в ее лице появилась суровость, которой раньше никогда не было.

— Почему она молчит? — кивнула Сюзан на младенца.

— Да. — Бинназ стала мертвенно-бледной. — Что-то не так?

— Все так, — ответила повитуха, наградив Сюзан ледяным взглядом. — Просто нужно подождать.

Повитуха омыла ребенка святой водой из колодца Замзам, доставшейся ей от паломника, который совсем недавно вернулся из хаджа. Кровь, слизь и первородная смазка были удалены. Новорожденная недовольно скорчилась и продолжала корчиться даже после

омовения, будто бы боролась сама с собой — с восемью фунтами и тремя унциями собственного тельца.

— Можно мне взять ее? — спросила Бинназ, накручивая волосы на кончики пальцев; эта нервная привычка появилась у нее за последний год. — Она... она не плачет...

— О, она заплачет, эта девочка, — решительно возразила повитуха, но тут же прикусила язык: это заявление прозвучало как темное предсказание.

Она тут же трижды плюнула на пол и наступила правой ногой на свою левую ногу. Это не позволит сбыться дурному предчувствию, если оно и было.

В комнате повисло неловкое молчание: первая жена, вторая жена, повитуха и две соседки — все, кто был там, — выжидающе смотрели на младенца.

— Что такое? Скажите мне правду, — пробормотала Бинназ, не обращаясь ни к кому конкретно, голос ее звучал тихо-тихо.

Всего за несколько лет у нее было шесть выкидышей — и каждый последующий был сокрушительнее предыдущего, оставляя глубокий след в памяти, а потому всю беременность Бинназ была крайне осторожна. Она ни разу не дотронулась до персика, чтобы младенец не был покрыт пушком, ни разу не добавляла в своюстряпню специи и травы, чтобы у ребенка не было веснушек и родинок, и не нюхала розы, чтобы у малыша не было винных пятен. Ни разу она не подстригала волосы, чтобы никто не смог укоротить удачу ребенка. Ей пришлось воздержаться от вколачивания гвоздей в стену, чтобы случайно ударом по голове не разбудить спящего вурдалака. Она прекрасно знала, что джинны часто справляют свадьбы неподалеку от туалетов, а потому, когда спускалась тьма, не выходила из комнаты, пользуясь ночным горшком. Ей как-то удалось ни разу не посмотреть на кроликов, крыс, кошек, ястребов, дикобразов и

бродячих собак. Даже когда на их улицу забрел странствующий музыкант с танцующим медведем и все местные вывалили на улицу посмотреть представление, Бинназ отказалась идти с ними, опасаясь, что ее ребенок родится волосатым. Стоило ей натолкнуться на попрошайку, прокаженного или увидеть катафалк, она тут же разворачивалась и мчалась прочь в противоположном направлении. Каждое утро она съедала по целой айве, чтобы у ребенка были ямочки на щеках, а по ночам спала с ножом под подушкой, отгораживаясь от злых духов. И после каждого заката тайно собирала волоски со щетки Сюзан, чтобы сжечь их в камине и таким образом уменьшить власть первой жены своего мужа.

Как только начались схватки, Бинназ надкусила красное яблоко, сладкое и помягчевшее на солнце. Теперь оно лежало на столике возле ее кровати и уже стало темнеть. Это самое яблоко вскоре разрежут на ломтики и раздадут соседским женщинам, которые не смогли забеременеть, чтобы и они однажды понесли. А еще Бинназ пила гранатовый шербет, налитый в правый ботинок ее мужа, бросала семена фенхеля во все четыре угла комнаты и прыгала через метлу, брошенную на пол перед самой дверью, — это граница, за которую не мог проникнуть шайтан. Как только схватки усилились, всех животных, содержащихся в клетках в их доме, постепенно начали отпускать, чтобы облегчить роды. Канареек, вьюрков... Последней отпустили бойцовую рыбку-петушка, в гордом одиночестве обитавшую в стеклянной чаше. Теперь она наверняка плавала в ближайшем ручейке, перебирая длинными плавниками, синими, словно прекрасные сапфиры. Если эта рыбка доплыла до содового озера, которым славился этот город в Восточной Анатолии, ей вряд ли удалось выжить в соленой карбонатной воде. Однако если рыбка направилась в противоположную сторону, она могла

добраться до Большого Заба, а чуть позже даже оказаться в Тигре, той легендарной реке, что берет начало в Садах Эдема.

Все это делалось, чтобы ребенок родился легко и был здоровым.

— Я хочу увидеть ее. Не могли бы вы принести мою дочь?

Не успела Бинназ произнести это, как ее внимание привлекло какое-то движение. Тихо, словно мелькнувшая мысль, Сюзан открыла дверь и выскользнула наружу, — без сомнения, она хотела оповестить своего мужа — их мужа. Бинназ напряглась всем телом.

Харун — мужчина, прямо-таки искрившийся противоположностями. Один день он был невероятно щедрым и милосердным, а на следующий становился до безобразия эгоцентричным и отстраненным. Он был старшим сыном, а потому вырастил своих братьев сам после гибели родителей в автокатастрофе — событие это, разумеется, перевернуло для них весь мир. Трагедия серьезно повлияла на его личность, сделав его гиперопекуном для всей семьи и недоверчивым по отношению к чужакам. Порой он обращал внимание, что внутри его что-то сломалось, и очень стремился наладить это, однако такие мысли не приводили его ни к каким результатам. Он одинаково сильно любил алкоголь и боялся религии. Опрокидывая очередной стакан *ракы*, Харун обычно давал серьезные обещания своим собутыльникам, а потом, отрезвевший, убитый чувством вины, давал еще более серьезные обещания Аллаху. Ему с трудом удавалось контролировать свой язык, однако с телом дела обстояли куда сложнее. Каждый раз, когда Бинназ беременела, его живот тоже, словно по команде, раздувался — не слишком заметно, однако достаточно, чтобы соседи посмеивались у него за спиной.

— Этот мужчина снова в положении, — закатывая глаза, говорили они. — Жаль, что он сам не может родить.

Больше всего на свете Харун хотел сына. И не одного. Он рассказывал всем, кому не лень было слушать, что у него будет четыре сына, которых он назовет Таркан, Толга, Туфан и Тарик¹. Долгие годы брака с Сюзан не принесли потомства. Тогда старейшины семейства отыскали Бинназ — девушку, которой едва исполнилось шестнадцать. Неделю семьи вели переговоры, после чего Харун и Бинназ поженились по религиозному обычаю. Брак был неофициальным, и, если бы в будущем что-то не сложилось, светские суды его не признали бы, однако этой детали никто не стал упоминать. Они вдвоем сидели на полу перед свидетелями и напротив косоглазого имама, чей голос стал еще более сильным, когда он перешел с турецкого на арабский. Всю церемонию Бинназ не поднимала глаз от ковра, хотя периодически против собственной воли то и дело глядела на ступни имама. Его бледно-коричневые носки оттенка высохшей почвы были старыми и поношенными. Каждый раз, когда он менял позу, его большой палец грозился выползти из потертой шерсти, словно и вправду мечтал сбежать.

Вскоре после свадьбы Бинназ забеременела, однако все закончилось выкидышем, из-за которого она чуть не погибла. Полуночная паника, горячие черепки боли и холод в паху, словно ее сжимала чья-то ледяная рука, запах крови, необходимость за что-то держаться, словно она падает, падает, падает... Это же повторялось со всеми последующими беременностями, только еще хуже. Она ни с кем не могла обсудить случившееся, но, казалось, с каждым потерянным ребенком какая-то часть канатного моста, связывающего ее с миром, лопалась и отпадала. И вот осталась лишь совсем

хлипкая нить, соединяющая ее с этим миром, помогающая оставаться в своем уме.

После трех лет ожидания старейшины семьи снова принялись давить на Харуна. Они напомнили ему, что Коран позволяет мужчине иметь до четырех жен при условии, что он будет справедлив к ним, а у них нет никаких сомнений, что Харун станет обращаться со всеми женами одинаково. На этот раз они призвали его поискать крестьянку, пусть даже она будет вдовой с собственными детьми. Такой брак тоже не будет официальным, но еще одна религиозная церемония возможна, такая же тихая и быстрая, как в прошлый раз. Как вариант, он может развестись со своей бесполезной молодой женой и жениться снова. До нынешнего момента Харун не прислушался ни к одному их совету. Он сказал, что и двух-то жен содержать сложновато, третья полностью разорит его, да и нет у него намерения расставаться ни с Сюзан, ни с Бинназ, так как он полюбил обеих, пусть и по разным причинам.

Теперь, опираясь на подушки, Бинназ пыталась вообразить, что же делает Харун. Возможно, он лежит на диване в соседней комнате, положив одну руку себе на лоб, а другую на живот, и ждет, когда тишину пронзит крик младенца. Потом она представила себе, как к нему точно выверенными, неторопливыми шагами подходит Сюзан. Бинназ видела их вдвоем, когда они шептались друг с другом, их жесты казались привычными и отточенными, они годами вырабатывались у людей, деливших одно и то же пространство, пусть даже уже не одну постель. Встревоженная собственными мыслями, Бинназ произнесла, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то еще:

— Сюзан рассказывает ему.

— Ну и хорошо, — успокоительным тоном сказала одна из соседок.

Сколько всего вложила она в эту фразу! «Пусть она доложит о рождении малютки, которую не способна родить сама». Невысказанные слова повисали между женщинами этого города, как бельевые веревки между домами.

Бинназ кивнула, пусть даже в груди закипало нечто темное — ярость, которую она никогда не выпускала наружу. Она посмотрела на повитуху и спросила:

— Почему малышка все еще не издала ни звука?

Повитуха не ответила. Предчувствие беды засело у нее глубоко-глубоко. В этом младенце было что-то диковинное — и дело не только в тревожном молчании. Она наклонилась пониже и понюхала ребенка. Так она и думала: пудровый, мускусный аромат, неземной какой-то.

Положив новорожденную себе на колени, женщина перевернула ее на животик и хлопнула по попке — один раз, второй. На маленьком личике отразились ужас, боль. Ее ручки сжались в кулачки, ротик растянулся тугой морщинкой, но все равно звука она никакого не издала.

— В чем дело?

— Ни в чем, — вздохнула повитуха. — Просто... Мне кажется, она все еще с ними.

— С кем — с ними? — спросила Бинназ, однако, не желая слышать ответ, быстро добавила: — Тогда сделайте что-нибудь!

Старуха задумалась. Лучше, когда ребенок самостоятельно ищет путь со своей собственной скоростью. Большинство новорожденных тут же привыкают к новому окружению, но есть те, что предпочитают немного задержаться, словно колеблются, стоит ли им объединяться с человечеством. Да и кто станет осуждать их? За долгие годы повитуха повидала достаточно младенцев. Попадались такие, кто накануне рождения или сразу после него был так

напуган жизнью, которая давила на них со всех сторон, что тут же сникали и уходили из этого мира. «Кадер», называли это люди, то есть «судьба», — и больше ничего не говорили, потому что сложным, пугающим событиям люди всегда дают простые имена. Однако повитуха верила, что некоторые младенцы просто отказываются от попытки жить, будто бы знают, как им будет тяжело, и предпочитают избегать сложностей. Трусят они или проявляют Соломонову мудрость? Кто знает?

— Принесите мне соли, — попросила повитуха у соседок.

Можно было бы использовать снег, если бы на дворе был свежавывпавший покров. В прошлом она не раз опускала новорожденных в кучу чистого снега и вытаскивала их в нужный момент. Под воздействием холода легкие их открывались, кровь начинала двигаться, а иммунитет укреплялся. Все эти младенцы — все без исключения — выросли потом в крепких взрослых.

Через некоторое время соседки вернулись с большой пластиковой миской и пакетом каменной соли. Повитуха ласковыми движениями поместила малышку в центре миски и принялась растирать ее тельце комочками соли. Как только ребенок перестанет пахнуть ангелом, собратьям придется отпустить ее. На улице, в верхушке тополя, какая-то птичка принялась выводить свою трель. Судя по звуку, это была голубая сойка. Какая-то ворона закаркала, отправляясь в путь навстречу солнцу. Всё вокруг говорит на своем языке — ветер, трава... Но только не этот ребенок.

— Может, она немая? — не унималась Бинназ.

Брови повитухи поползли вверх.

— Потерпи немного.

Как по заказу, малышка начала кашлять. Это был хриплый горловой звук. Вероятно, она проглотила немного соли и ее вкус показался младенцу резким и